

П. В. Седов

Старообрядцы во Введенском Тихвинском монастыре во второй половине XVII в.

Споры вокруг сущности раскола Русской православной церкви идут уже не одно столетие. Долгое время господствовала официальная позиция церковных властей, рассматривавших сторонников дониконовского обряда как еретиков и церковных преступников. В. О. Ключевский видел в расколе «обрядоверие» — результат неразвитости собственной богословской учености¹. Н. Ф. Каптерев считал, что он основан «с начала до конца на недоразумении, на непонимании иногда самых элементарных христианских истин», причем с обеих сторон². Еще в XIX в. появилось и в советской историографии укрепилось представление о расколе как движении социального протesta и даже антицерковной направленности. В последние десятилетия выдвигались новые интерпретации этого явления: «эмансипация» царской власти от влияния Русской православной церкви³, несостоявшаяся в России Реформация⁴ и др.

Историю раскола, крупнейшего и до сих пор загадочного явления в истории России, продуктивно изучать на микроисторическом уровне, чтобы через изучение отдельных казусов проследить причины и саму сущность многовекового явления русской церковной жизни.

О существовании старообрядцев во Введенском девичьем монастыре на Тихвинском посаде во второй половине XVII в. хорошо известно. В наиболее обстоятельной к настоящему времени истории этой обители М. А. Иванова справедливо пишет: «Значительная часть населения в Тихвинском посаде и уезде скрытно придерживалась “старой веры”, а священники почти всюду

были “двоеверами”. Игумении, сестры и священство Введенского монастыря на протяжении нескольких десятилетий находились под наблюдением и уличались в раскольнических настроениях⁵.

Однако этот справедливый вывод не подкреплен в книге развернутым описанием настроений и действий старообрядцев в женской обители «на протяжении нескольких десятилетий». М. А. Иванова ограничилась лишь несколькими фактами о сопротивлении реформе Никона, тогда как большая часть сведений о расколе во Введенском Тихвинском монастыре, сохранившаяся в фонде соседнего Успенского Тихвинского монастыря, осталась автору неизвестной. Прежде чем перейти к этим новым данным, вводимым здесь в научный оборот, укажем на те факты, которые были известны М. А. Ивановой.

В 1665/1666 г. священник Амвросий Григорьев получил место в Никольской церкви села Никифорова Устюжского уезда, принадлежавшего Введенскому монастырю. Это назначение состоялось по «призванию» введенской старицы княжны Александры. Однако это место уже принадлежало диакону Введенского монастыря Гаврилу Потафьеву, из-за чего случился конфликт. В январе 1666 г. по поручению новгородского митрополита поповский староста посетил село Никифорово и донес своему владыке, что никольский поп Гаврила «служил вечерню и заутреню не единогласно, а божественную литоргию служил по старому служебнику надо многими просвирами». На вопрос, почему Гаврила «по новому служебнику не служит», тот ответил, «что-де и на Тихвине в девиче монастыре так поют и говорят не единогласно, и служат по старому, и ему-де, попу Гаврилу, приказали власти служить так же». Позднее выяснилось, что Гаврила не только сам служил по-старому, но и заставлял чтецов и певцов отправлять службу по старым книгам, отчего в храме было «великое несогласие и раскол». Уличенного в расколе Гаврилу доставили в Москву и посадили «в смирение в хлебне в цепь» на столичном владычном подворье. Это дело примечательно тем, что введенские власти поставили в один храм двух настоятелей, которые по-разному относились к никоновской реформе. Прежний Гаврила был явным старообрядцем, а второй священник — Амвросий, не постыдился донести об этом самому владыке, чем и отстоял свое место. Однако игуменья Платонида и старица Леонида, державшиеся дониконовского обряда, отомстили Амвросию и изгнали его из села. Только вмешательство новгородского митрополита позволило восстановить новый обряд в селе Никифорове, а игуменья Платонида и старица Леонида были наказаны: посажены на цепь в Успенском Тихвинском монастыре в хлебню на месяц с приказанием ежедневно посещать никонианскую службу⁶.

Заключая анализ этой истории, М. А. Иванова пишет: «Чем в итоге закончилось это дело, и были ли так жестоко наказаны введенские монахини, мы не знаем — документов на этот счет не сохранилось. Но что можно сказать на верняка, приверженность к старому обряду у сестер женского монастыря в последующие годы не исчезла»⁷. Впрочем, в соседнем деле находим продолжение

этой истории: о проведении сыска в селе Никифорове — служат ли там по старым или по новым служебникам⁸.

Другой известный М. А. Ивановой случай раскола в Тихвинском уезде относится к 1668 г. В опубликованной грамоте новгородского митрополита Питирима было велено тех священников, которые совершают проскомидию на восьмиконечном кресте, отставить от службы и выслать в Новгород, а виновных в том же просвирни отсылать во Введенский монастырь «под начал»⁹.

По существу, этим и исчерпываются сведения о старообрядцах во Введенском Тихвинском монастыре в книге М. А. Ивановой. Новые многочисленные факты позволяют в деталях представить сопротивление церковной реформе стариц этой обители. В грамоте новгородского митрополита 8 января 1668 г. было велено старицу Вознесенского девичья монастыря Евфимию, сосланную в введенскую обитель в 1664/1665 г. «за пререкание божественного пения... из-под начала свободить и быть на Тихвине ж в Введенском девичье монастыре в рядовых же старицах и пищу и одежду давать против рядовых же стариц», но «ни для каких дел никуды посыпать ее не велели»¹⁰. Этот факт интересен тем, что сопротивлявшуюся новому церковному обряду старицу столичного монастыря отправили в ссылку туда, где служили «по-старому», о чем новгородский владыка был осведомлен. Тем самым церковные власти смягчали наказание, отправляя старицу не в никонианский, а в старообрядческий монастырь, не во враждебную, а в благожелательную для нее среду.

Введенский монастырь не был островком «старой веры» среди моря сторонников дониконовского обряда. Скорее наоборот. В октябре 1668 г. архимандрит Успенского Тихвинского монастыря доносил новгородскому владыке, «что около Тихвины по погостом попы служат в церквях по служебникам старых печатей, и просфорописание у них по-прежнему, а не четвероконечными кресты». По приказу успенского архимандрита в погостах был проведен «досмотр», и доносные речи местных священников отосланы в Новгород. «А которых погостов попы печатают просфиры старыми кресты, а не четвероконечными, — доносил архимандрит, — а сказали, что-де тех крестов взять негде. И я, богомолец твой, велел зделать четвероконечные кресты и им, попом, роздать на Тихвине октября в 1 день»¹¹. В данном случае местные священники не заявляли об открытом неповиновении церковной реформе, а ссылались на отсутствие новых печатей. Впрочем, сами они новых печатей не просили и полтора десятилетия использовали старые, не испытывая от этого неудобства. Такое поведение свидетельствует о пассивном сопротивлении реформе.

Сведения о том, что во Введенском монастыре обосновались раскольники, исходили в первую очередь от властей Успенского Тихвинского монастыря. Последние использовали это обвинение для того, чтобы опорочить соседний монастырь, с которым успенские власти имели давний земельный спор. Таким образом, обвинение в расколе было еще и средством решения мирских дел.

Между двумя тихвинскими монастырями ссоры бывали и раньше, но толчком для резкого обострения конфликта, по-видимому, послужила ссора за проезжую дорогу, которая проходила через женскую обитель. Новые драгоценные подробности для истории Тихвинского посада на этот счет узнаем из черновика письма успенского архимандрита Ионы главе новгородского дворцового приказа дьяку Парфению Яковлевичу Пятово. В архивной описи черновик письма датирован по времени настоятельства Ионы 1668–1674 гг.¹² Этую датировку можно уточнить: П. Я. Пятово был путным ключником Новгородского дворцового приказа в 1669–1671 гг.¹³, и, следовательно, письмо датируется 1669–1671 гг.: «Да искони вешная, государь, была от нас с Тихфины большая дорога в города и в волости, — писал архимандрит Иона, — через их введенской ручей на мост по их введенскому монастырю из ворот в ворота ездили и ходили всяких чинов люди. И мы в свои монастырские вотчины тою же дорогою ездили. И для своего зазору намостили мы через тот ручей ныне мост вновь по прямой дороге посторонь того Введенского монастыря по своей монастырской земле. И оне, старицы, не хотя нам по тому мосту дать проезду велели своему пристанцу на самой той дороге, а на нашей земле поставить двор, и он и ставитца, и дорогу у нас отняли. И то их истеснение нам не възмогу»¹⁴. По словам успенских властей, именно они, не желая стеснять стариц сквозным проездом через их обитель, устроили новую дорогу в обход девичьего монастыря по своей земле, но и здесь введенские старицы перекрыли им путь. Это утверждение выглядит сомнительным: исстари путь пролегал через женскую обитель, и вдруг пришлось прокладывать новую дорогу в обход. Скорее всего, на этом настаивали именно введенские власти, которые держались «старой веры» и не желали, чтобы никониане имели свободное хождение по их территории, поскольку после реформы Никона им было что скрывать.

Как раз в 1669 г. споры о территории между двумя монастырями были осложнены обвинениями в расколе. Инициатива в этом принадлежала успенскому архимандриту Ионе. В грамоте новгородского митрополита архимандриту Успенского Тихвинского монастыря 16 ноября 1669 г. сообщается, что Иона известил «словесно» владычного сына боярского Петра Рукина, когда тот был на Тихвинском посаде, что «в Тихвинском Введенском монастыре черной и белой попы божественную службу служат по служебникам старые печати, а не новоисправные печати и в божественную литоргию просфорописание действуют над теми просфорами, на которых изображен крест с подножием и со адамлевою главою, а не четвероконечного креста над просфорами». Иона сообщил Петру Рукину, что «в Введенской девич монастыре к игуменье Платониде да ко княжне старице Леониде с сестрами посыпал я с слушкой нашим с Ефимком Васильевым четвероконечный крест. И она, игуменья княжна старица Леонида с сестрами того четвероконечного креста не приняли, а сказали тому нашему слушке: мы-де в Великом Новгороде возьмем и сами у тебя, государя великого святителя, четвероконечный

крест». Взяли ли старицы четвероконечный крест в Новгороде или нет, Иона не знал¹⁵.

В ответ на вопрос владыки, откуда Иона узнал о том, что введенские старицы служат по-старому, архимандрит сослался на дьякона своего монастыря: «про то мне... сказывал в разговоре нашего Тихвина монастыря новопостриженой дьякон Иоиль, которой был в миру во дьяконех в том Введенском девиче монастыре». Письменную сказку дьякона Иоиля об этом архимандрит приложил к своей отписке. Иона оправдывался перед владыкой за то, что ранее не донес на введенских стариц. По его словам, до сих пор «письменно, государь, и словесно на тех введенских попов извету мне, богоомольцу твоему, не бывало»¹⁶. Эти оправдания успенского архимандрита не выглядят убедительно. Будто бы на протяжении многих лет в соседнем девичьем монастыре вели службу по-старому, об этом судачили монахи Успенского монастыря, а архимандриту никто ничего об этом не доносил.

Это тем более странно, что введенские старицы не слишком скрывали свою приверженность старым обрядам. Владычный сын боярский Петр Рукин был в девичьем монастыре, и после доложил успенскому архимандриту, что он «в Веденском монастыре у княжне старице Леониде в келье видел просфиру старой печати креста с подножием и со адамлевою главою».

Следующий факт сочувствия старообрядцам во Введенском монастыре связан с игуменом соседнего Тихвинского Беседного монастыря Досифеем. Около 1670 г. он постриг боярыню Ф. П. Морозову, для чего был вызван в Москву. Обстоятельства его отъезда в столицу описаны в челобитной января 1670 г. братии этого монастыря новгородскому митрополиту: в декабре 1669 г. Досифей «обманною статьею от них из монастыря поехал к Москве... без их братцкого ведома и склал в сундук монастырские казенные ризы и приходные монастырские хлебные и денежные книги и свою келейную рухлядь и, складчи, поставил в сундуке в Тихвинском девичьем монастыре у княжны у старицы Леваниде с сестрами в монастырской казны»¹⁷. Как видим, свои келейные вещи Досифей доверил своим единоверцам — введенским старицам.

После тайного пострижения боярыня Ф. П. Морозова приняла имя Феодоры и рискнула пойти на конфликт с самим государем. Ей надлежало приветствовать новую царицу Наталью Кирилловну на свадьбе 22 января 1671 г., но боярыня отказалась, сославшись на болезнь ног. Царь воспринял это как вызов и велел начать против нее следствие за приверженность «старой вере»¹⁸. Как и в ссоре между Введенским и Успенским монастырями, царское обличение непокорной боярыни в расколе последовало за конфликтом на мирской почве. При отсутствии конфликтов никониане и старообрядцы по возможности старались уживаться друг с другом, но мирские интересы тащили за собой и религиозную нетерпимость. Две эти страсти, соединяясь друг с другом, порождали особо острый, непримиримый спор, которому не было исхода ни на земле, ни на небе. Каждая из сторон считала

себя единственно правой, если не по мирскому закону, то по закону высшей божеской правды.

По инициативе архимандрита Ионы началось следствие против стариц Введенского монастыря, которые укрыли у себя в обители вещи Досифея. 31 марта 1671 г. два священника Введенского монастыря, Иван Никитин и Автоном Хрисанфов, а также дьякон Алексей Терентьев были «взяты» в Новгород, где по владычному приказу «смиряны и за смирение свободжены и отпущены на Тихвину». Им было предписано служить во Введенском монастыре по-прежнему¹⁹.

Затем взялись и за самих введенских стариц. 13 апреля 1671 г. в Успенский Тихвинский монастырь привезли грамоту новгородского митрополита: «...ведомо нам учинилось, — писал владыка, — что на Тихвине в Введенском девиче монастыре игуменья Измарагда с сестрами не поститца и святых христовых тайн не причащаются, и просвир четвероконечного креста не требят». Успенскому архимандриту Ионе было предписано заставить игуменью Измарагду с сестрами поститься, для чего послать в девичий монастырь «от себя черного попа добра» для принятия исповеди неблагонадежных стариц. В случае подчинения старицам было разрешено причаститься по никонианскому чину. Архимандрит Иона должен был и впредь «надсматривать накрепко, чтоб в том Введенском девичем монастыре и во всем в твоем заказе игумены и черные, и белые попы, и дьяконы божественную службу служили по новоисправленным служебником и над просвирами четвероконечного креста и пели, и говорили единогласно, а не во многие гласы»²⁰.

Во владычной грамоте 18 апреля 1671 г. (была получена в Успенском Тихвинском монастыре 1 мая) архимандриту Ионе было указано проследить и сообщить в Новгород, «в тихвинском в Введенском монастыре игуменья Измарагда с сестрами в нынешней Великий пост постилися ли и все ли постились, и святых христовых тайн причащалися ли. А которые буде старицы в нынешней в Великий пост не постилися и святых христовых тайн не причащалися, и ты б о том к нам писал и тем старицам под отпиской своей прислал именную роспись»²¹. Успенский архимандрит воспользовался своими полномочиями надзора за церковным благочинием на окрестных землях. Отныне он был вооружен прямым распоряжением новгородского владыки следить за внутренней жизнью соседнего монастыря.

Следующая владычная грамота пришла в Успенский монастырь 25 мая 1671 г. В ней митрополит сообщал, что получил именную роспись введенским старицам, которые «в нынешней во святый Великий пост постилися и святых Христовых тайн причащалися», но не были допущены к исповеди. Этим сестрам владыка велел в грядущий Петров пост причащаться у черного попа Рафаила, «а Никольского Беседного монастыря игумену Геронтию и черным попам того Тихвина Введенского девича монастыря игумены и стариц духовностью кроме черного попа Рафаила никому ведать не велел». Если же игумен Геронтий или иные черные попы Введенского монастыря «учнут... игуменю и стариц ведать духовностью», то им митрополит грозил «за то от нас быть в жестоком

смирении»²². Таким образом, владыка не доверял ни показному смирению черных попов Введенского монастыря, которые покаялись в Новгороде, ни игумену Беседного монастыря, где в свое время пастырем был старообрядец Досифей.

Старообрядцев выискивали повсюду. Не без греха было и в самой успенской обители. 10 августа 1671 г. со владычного двора послали обратно в Успенский монастырь «просвиренного старца Никона и Мавлинские пустыни черного попа Ефимия за церковный раскол». В Новгороде они показали «смирение» и были отпущены²³. 12 сентября митрополит велел освободить из цепи присланного в монастырь старца Иону татарина, «буде впредь каковы расколу не будет»²⁴. Власти всерьез взялись за исправления церковного благочиния. В сентябре 1671 г. в Большом Тихвинском вели следствие по обвинению, что в соборной церкви на правом крылосе поют обедню иначе, чем на левом, т. е. нестройно²⁵.

Много шума наделал присланный в Успенский монастырь чернец Боровинской пустыни Иосиф Чаплин. 8 ноября 1676 г. его привезли в Новгород из Успенского монастыря и 12 ноября отослали обратно с повелением быть в обители «у старца добра и крепкожителна», ходить в церковь и никуда не выпускать из монастыря. По-видимому, старец Иоасаф не показал смирения и потому в следующей грамоте 14 декабря того же года его было велено держать «в цепи скована с великим бережением за крепкими сторожами», но никонианскую службу посещать²⁶. В том же декабре владыка по распоряжению самого патриарха указал успенскому архимандриту Ефрему самому «беглого ссыльного чернца Иоасафа привесть, оковав, в Великий Новгород»²⁷. И. Чаплин не покаялся перед митрополитом, и его заключили в монастырскую темницу. О дальнейшей его судьбе митрополит Корнилий сообщил успенскому архимандриту Ефрему в грамоте 30 октября 1677 г.: «...по нашему указу послан был в Футийской монастырь расколник чернец Иасаф Чаплин, а велено ево в том Футийском монастыре держать в земляной тюрме. И в нынешнем во 186-м году октября в 18 день извещал нам Хутыня монастыря архимандрит Макарей, что-де тот расколник чернец Иасаф из земляные тюрмы ушол»²⁸.

После внушений новгородского владыки введенские старицы на время явили показное смирение. Но не исчезла вражда между Успенским и Введенским монастырями. В письме 13 июля 1678 г. стольник князь Иван Дашков просил успенского архимандрита Ефрема быть милостивым к введенским старицам: «...мне в том девичье монастыре сродницы тетка Александра Гагарина да своячина моя родная старица Федосья Давыдова... — писал кн. Иван Дашков, — а нынечка игуменья Таисея с сестрами писала ко мне со слезами, что при вашем приезде учили им быть обиды и тесноты от вас большая, прежней архимандрит Иона немилосерд к ним был, а ныне вы наипаче тово немилость свою показали». Князь просил «для милости» боярина кн. Н. И. Одоевского «не оскорбите их», обещая свою помощь в столице по монастырским делам²⁹.

Во время московского восстания 1682 г. старицы Введенского монастыря получили от боярина кн. И. А. Хованского, известного старообрядца, поддержку

в спорных делах с успенскими властями³⁰. В июне 1682 г. игуменья Введенского монастыря приехала из Москвы в свою вотчину в Шунский погост, где по соседству находился посельский старец Успенского монастыря. В отписке своим властям он подробно описал, как монахини сторонились враждебных им успенских властей: «...июня в 19 день в Шунской погост игуменья Неонила с Москвы приехала, и с сестрами очей ея не видали и государева указу не слыхали от ней никакова; гордость, слышет, велия и превозношение на Москве заступлением». Далее успенский старец не без иронии описал странные обычай враждебной женской обители: «А житье у ней ныне покойно себе и благоугодно, и при ней, игуменье благовесту ж церковново кроме Ивана Предтечи, Рождества да Ильи на дни святаго пророка, ни трезволну не слыхали чутщаго и потоща служителя церковно не видали. А житья у ней по се число болши в вяжиской вотчине в Толвуйском погосте у отца своего духовнаго иеромонаха Иоасафа — былие собирают, то слышет манием, и врачевство составляют, болящим помогают и немощных исцеляют, от мужей жен беглых постригают, тем себе корысть получают. А домы крестьянские от того пустеют, и мужи женами своими владеть и наряжать крепко на дело не смеют»³¹. Вернувшись из Москвы, Неонила нашла приют у своего единоверца — духовного отца и старалась жить вдали от никониан, собирая лесные травы. Она давала приют женщинам, которые уходили в старообрядческую общину от постылых мужей.

Но после казни Хованских в сентябре 1682 г. введенские старицы оказались без влиятельного покровителя, и началось их преследование. Контроль над непокорными старицами был возложен на власти Успенского Тихвинского монастыря. В грамоте новгородского митрополита Корнилия архимандриту Макарию 30 ноября 1682 г. предписывалось «на Тихвине в Введенском девиче монастыре всякое церковное исправление и стариц в церковном расколе и во всяких духовных делах ведать, чтоб в том монастыре расколу и противности церкви Божии не было». Далее в грамоте подробно изложено, в чем должен состоять этот контроль: «И священники б служили по новоисправленым служебником и над просвирами четвероконечного креста и пели б и говорили во святей церкви единогласно и по новоисправленым книгам. И чтоб по вся годы игуменья и старицы во вся три посты исповедывались и по исповеди и по разсуждению отца их духовного, которые будут достойны святых Христовых таин, причащались и к антидору приходили безо всякого сумнения почаству». Надзорять следовало не только за старицами, но и за слугами и крестьянами женской обители: «И чтоб того монастыря слушки служебники, и крестьяне, и бобыли, которые живут близ монастыря, в церковь Божию и на исповедь к отцем духовным по вся годы приходили и святых Христовых таин причащались, и антидор принимали без сумнения ж». Ослушников следовало смирять³².

В 1689 г. духовник Введенского монастыря иеромонах Тарасий подал новгородскому владыке извет о том, что старицы «многие годы в Великий пост ко отцем духовным к исповеди» не ходят. Являя показное смирение, монахини на деле

сохраняли верность дониконовскому обряду. Однако на открытое сопротивление они не шли, и 13 мая 1689 г. игуменья Евдокея с сестрами подали архимандриту Успенского Тихвинского монастыря Макарию скаску: «...к исповеди ко отцем духовным по вся годы в Великий пост приходим и таинны Христовы принимали, а раскальниц в нашем Веденском девичем монастыре никого нету, и архимандрит Макарий в церкви божии нас свидетельствовал, и антидор принимали, а которые сестры нынешняго сто девяносто седмого году в Великий пост недостойны были тайнны Христовых принять³³, и нынешняго сто девяносто седмого году в Петров пост ко отцу духовному готовы будут к исповеди и таин Христовых примимем». К этой сказке «вместо игумении Евдокеи с сестрами по их велению того же монастыря поп Димитрий Иванов руку приложил»³⁴. Обычно такая форма рукоприкладства заменяла подпись неграмотных людей. Однако трудно допустить, что в монастыре, включая игуменью, не было ни одной грамотной старицы. В таком случае они не были бы в состоянии вести как церковную службу, так и хозяйственную деятельность. Можно предположить, что насьницы монастыря уклонились от собственноручных подписей потому, что не желали письменно подтвердить отказ от «старой веры». Если это так, то данный факт косвенно подтверждает, что в душе они сохраняли прежние убеждения.

В глазах новгородского митрополита Введенский монастырь раз за разом оказывался прибежищем для неблагонадежных людей. В грамоте апреля 1690 г. владыка велел успенскому архимандриту Евфимию изловить «Тихвина Введенского девича монастыря вдового дьякона Алексея Терентиева, которой бежал ис-под начальства с Хутынского монастыря», и «за крепким караулом» выслать его в Новгород. В ответной отписке Евфимий сообщил, что бывший вдовий дьякон Алексей Терентиев сумел скрыться: «...по первой недели Великого поста в Зборное Воскресение на Тихвинском посаде был, и с того, государь, числа он, дьякон, на Тихвине не бывал, и слыха про ево ни от кого нет и по се число»³⁵. В данном случае нет прямого указания на приверженность дьякона Введенского монастыря расколу, но в любом случае в глазах начальства он был непокорником и преступником.

В январе 1700 г. в Тихвин пришла грамота новгородского митрополита о высылке в Новгород двух стариц Введенского монастыря — Авксентии Бакуниной и Анны Харловой. Исполняя владычный указ, успенский архимандрит Боголеп выслал их в Новгород и опечатал келью Анны Харловой. Нам неизвестно, в чем конкретно провинились введенские монахини, но есть основание полагать, что они тайно сочувствовали старообрядцам. В отписке об отсылке А. Бакуниной и А. Харловой в Новгород Боголеп прибавил: «А у старицы Анны Харловой келью (в ркп. далее теми же почерком и чернилами написано и зачеркнуто: и чюланы. — П. С.) запечатали впредь для твоего архиерейского указу, потому что самокрутного чернца, что назывался Асафом, а ныне Ивашко Григорьев всякие ево пожитки в соблюдении были у ней черницы Харловой»³⁶. В Тихвинском монастыре содержали упорного старообрядца Иоасафа Чаплина, ставшего после

расстрижения Ивашком Григорьевым. Надо думать, узник не случайно хранил свои вещи в келье старицы соседнего монастыря. Как оказалось, в келье старицы Анны хранились две книги, взятые Ивашком из книжной палаты Успенского монастыря: «две книги прологов да общую минею»³⁷. Вероятно, расстрига передал эти книги в соседнюю обитель потому, что они были старой печати и нужны были потаенным старообрядцам для спасения души.

Сопротивление стариц Введенского Тихвинского монастыря никоновской реформе на протяжении 1660–1690-х гг. имело тенденцию к затуханию. Этому способствовало отсутствие жестоких мер. Новгородский митрополит вызывал стариц в Новгород и после увещевания не рассыпал в заточения по другим монастырям, а возвращал в родную обитель. В результате отказ от излишне сурового преследования поначалу вел к показной покорности и, как следствие, к концу XVII в. сведения о сопротивлении обрядовой реформе Никона во Введенском монастыре сходят на нет. Данное наблюдение не противоречит нашему выводу, сделанному на другом материале, — что причину раскола и его сущность следует искать в самодержавии, которое не допускало никакого иного толкования вопросов веры и церковного обряда, кроме тех, которые одобрены властью³⁸. Чем жестче было преследование старообрядцев, тем ожесточеннее бывало их сопротивление. Напротив, терпеливое увещевание способствовало смирению если не всех, то большинства приверженцев «старой веры». Так, после отказа от преследования старообрядцев при Екатерине II их самосожжения полностью прекратились.

С нашей точки зрения, одна из причин многоликисти явления раскола, а значит, и сложности выявления его сущности состоит в том, что он был тесно связан со многими проявлениями повседневной жизни. Власти Успенского Тихвинского монастыря, несомненно, знали, что в соседнем Введенском девичьем монастыре живут раскольницы, но много лет не преследовали их и не доносили о них новгородскому владыке. Острый конфликт между двумя обителями по земельным вопросам повлек за собой обвинение противной стороны в расколе, обвинение, которое само по себе решало все споры в пользу успенских властей, стоявших на позициях церковной реформы Никона.

¹ Ключевский В. О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. // Ключевский В. О. Очерки и речи. М., 1913. С. 432.

² Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 1. С. 523–524.

³ Скрыпкина Е. В. Самодержавие и церковный раскол в России во второй половине XVII в.: Царь Алексей Михайлович и протопоп Аввакум. Омск, 2009. С. 152.

⁴ Глинчкова А. Г. Раскол, или Срыв «русской Реформации». М., 2008. С. 320, 323.

⁵ Иванова М. А. От рождения до возрождения. История Тихвинского Введенского женского монастыря в лицах и ликах. СПб., 2022. С. 44.

- ⁶ Там же. С. 44–47. В ссылках на эти документы М. А. Иванова не указала номер картона, где хранится это дело (Архив СПБИИ РАН. РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 9. Д. 41. Сст. 1–7), что затрудняет его поиск в архиве.
- ⁷ Иванова М. А. От рождения до возрождения. История Тихвинского Введенского женского монастыря в лицах и лицах. С. 47.
- ⁸ Архив СПБИИ РАН. РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 9. Д. 43. Сст. 1.
- ⁹ Иванова М. А. От рождения до возрождения. История Тихвинского Введенского женского монастыря в лицах и лицах. С. 48.
- ¹⁰ Архив СПБИИ РАН. РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 10. Д. 7. Сст. 1.
- ¹¹ Там же. Д. 181. Сст. 6; ср.: Д. 176. Сст. 3.
- ¹² Стroeв П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российских церкви. СПб., 1877. Стб. 63.
- ¹³ Акты юридического быта. СПб., 1864. Т. 2. № 139 (II). С. 187; Дела Тайного приказа. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 1553. 30 января 1672 г. он был сменен «с приказа» в старорусских дворцовых селах и вызван в Москву (Архив СПБИИ РАН. РС. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2006. Сст. 16).
- ¹⁴ Архив СПБИИ РАН. РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 11. Д. 159. Сст. 1.
- ¹⁵ Там же. Картон 12. Д. 174. Сст. 1–3 Ср. Д. 176.
- ¹⁶ Там же. Сст. 3. В сказке дьякона Иоиля утверждалось, что «в том девиче монастыре черной и белые священники при мне служили божественную литургию по служебнику старые печати» (Там же. Сст. 5.)
- ¹⁷ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. 2-е изд. СПб., 2008. С. 162–163. О фигуре старообрядца Досифея см.: Зенковский С. А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 275, 329, 374, 378, 388, 433, 443–444, 455, 487–489.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 163.
- ¹⁹ Архив СПБИИ РАН. РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 14. Д. 105. Сст. 1.
- ²⁰ Там же. Д. 102. Сст. 1.
- ²¹ Там же. Д. 105. Сст. 1.
- ²² Там же. Д. 132. Сст. 1.
- ²³ Там же. Д. 170.
- ²⁴ Там же. Д. 187. Сст. 1.
- ²⁵ Там же. Д. 194.
- ²⁶ Там же. Картон 21. Д. 179.
- ²⁷ Владычная грамота была получена в Успенском монастыре 20 декабря 1676 г. (Там же. Д. 223).
- ²⁸ Там же. Картон 23. Д. 169. О нем см. также: Там же. Д. 201, 202, 208.
- ²⁹ Там же. Д. 305.
- ³⁰ Подробнее см.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 418–421.
- ³¹ Архив СПБИИ РАН. РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 32. Д. 100. Сст. 55. В том же письме успенский старец пишет о создании новой женской старообрядческой общины: «А в Толвуйском погосте иеромонаха Иосафа да игуменью Неонилу с сестрами. Иоасаф жен от мужей беглых постригает, а игуменья, надеяся на заступление, вклады отбирает, а крестьянские domы от того пустеют» (Там же).
- ³² Архив СПБИИ РАН. РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 32. Д. 57. Сст. 1–2.
- ³³ В ркп. так.
- ³⁴ Архив СПБИИ РАН. РС. Ф. 132. Картон 38. Д. 114. Сст. 1 – 1 об.
- ³⁵ Там же. Картон 39. Д. 234. Сст. 1–2.
- ³⁶ Там же. Картон 50 Д. 62. Сст. 1 – 1 об.
- ³⁷ Там же. Сст. 1 об.
- ³⁸ См.: Седов П. В. Был ли раскол XVII века в России Реформацией? // Европейская реформация и ее возможные аналоги в России. СПб., 2017. С. 364–427.

References

- Glinchikova, A. G. *Raskol, ili Sryu "russkoi Reformatsii"* [Schism or the Failure of the "Russian Reformation"]. In Russ.]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya publ., 2008. 384 p.
- Ivanova, M. A. *O rozhdeniya do vozrozhdeniya. Iстория Tikhvinskogo Vvedenskogo zhenskogo monastyrja v litsakh i likakh* [From Birth to Rebirth. The History of the Tikhvin Vvedensky Convent in Faces and Visages. In Russ.]. St. Petersburg, Raduga publ., 2022. 324 p.
- Sedov, P. V. *Byl li raskol XVII veka v Rossii Reformatsiei?* [Was the Schism of the 17th Century in Russia the Reformation? In Russ.]. In Isaev, S. A., Sedov P. V. (eds.). *Europeiskaya reformatsiya i ee vozmozhnye analogi v Rossii*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2017. P. 364–427.
- Sedov, P. V. *Zakat Moskovskogo tsarstva. Tsarskii dvor kontsa XVII veka* [The Decline of the Muscovite Kingdom. The Royal Court at the End of the 17th Century. In Russ.]. 2nd ed. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin publ., 2008. 603 p.
- Skrypkina, E. V. *Samoderzhavie i tserkovnyi raskol v Rossii vo vtoroi polovine XVII v.: Tsar' Aleksei Mikhailovich i protopop Avvakum* [Autocracy and Church Schism in Russia in the Second Half of the 17th Century: Tsar Alexei Mikhailovich and Archpriest Avvakum. In Russ.]. Omsk, Omsk State University press, 2009. 179 p.
- Zen'kovskii, S. A. *Russkoe staroobryadchestvo. Dukhovnye dvizheniya semnadtsatogo veka* [Russian Old Believers. Spiritual Movements of the Seventeenth Century. In Russ.]. Moscow, Tserkov' publ., 1995. 527 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. В. Седов. Старообрядцы во Введенском Тихвинском монастыре во второй половине XVII в. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 83–94. DOI: 10.51255/2311-603X_2025_4_83

Аннотация: Статья посвящена старообрядцам женского Введенского монастыря в Тихвине во второй половине XVII в. На основе новых архивных данных автор подробно проанализировал приверженность дониконовскому обряду в этой женской обители. Власти соседнего Большого Успенского монастыря использовали обвинения в расколе против введенских стариц в многолетнем земельном споре, что стало толчком в искоренении там дониконовского обряда.

На протяжении десятилетий насельницы монастыря сохраняли старый церковный обряд, но под нажимом никонианских властей каялись и не шли на открытое сопротивление. Такая линия поведения была характерна для многих, если не для большинства старообрядцев, что позволяло им выживать в неравном противостоянии с властями.

Ключевые слова: церковная реформа Никона, старообрядцы, Введенский Тихвинский монастырь, Успенский Тихвинский монастырь.

FOR CITATION

P. V. Sedov. Old Believers in the Vvedensky Tikhvin Monastery in the Second Half of the 17th Century // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 83–94. DOI: 10.51255/2311-603X_2025_4_83

Abstract: The article under scrutiny here focuses on the Old Believers of the Vvedensky Convent in Tikhvin in the latter half of the 17th century. The author conducted a detailed analysis of the adherence to the pre-Nikon rite in this convent, utilising newly obtained archival data as a foundation for their research. The authorities of the neighbouring Great Dormition Monastery utilised accusations of schism against the Vvedensky elders in a protracted land dispute, which subsequently served as the impetus for the eradication of the pre-Nikonian rite in that locale.

For many years, the residents of the monastery maintained the traditional church rite. However, under pressure from the Nikonian authorities, they repented and did not openly resist. This tendency was prevalent among a significant proportion, perhaps even the majority, of Old Believers, a strategy that enabled them to endure adversity and maintain their spiritual beliefs in the face of oppression from the authorities.

Key words: Nikon's church reform, Old Believers, Vvedensky Tikhvin Monastery, Assumption Tikhvin Monastery.

Автор: **Седов, Павел Владимирович** — д.и.н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Sedov, Pavel Vladimirovich — Dr. of Sciences in History, Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: sedovpv@rambler.ru